

**Симулякр и симуляция Жана Бодрийяра в контексте
«постмодернистской чувствительности»**

Франц В.А.

Памяти Жана Бодрийяра

Как правило, исследование творчества философа осуществляется с позиций синхронии и диахронии. Исследующий пытается выяснить, какое влияние оказали на объект его исследования мыслители прошлого, каково место изучаемых идей в ряду современных мыслителю философских концепций и, наконец, каким образом творчество данного философа отразилось во взглядах его последователей. Предваряющим эти действия мероприятием и ядром всего исследования является изложение философской системы мыслителя. В случае с Бодрийяром желающий использовать этот ставший уже классическим алгоритм исследования попадает в неоднозначную ситуацию. На первый взгляд, с обнаружением влияний, которые испытал мыслитель, не должно возникать никаких затруднений, так как в произведении «От фрагмента к фрагменту», представляющем собой интервью с философом, он рассказывает о перипетиях своего творческого пути. Однако это только видимость простоты, так как Бодрийяр категорически отрицает наличие прямого влияния чьих бы то ни было идей на формирование его мировоззрения. Он называет целый ряд личностей, далеко не ограничивающийся кругом философов, но включающий также учёных и деятелей искусства – таких, как Барт, Беньямин, Арто, Борхес, Эббот, конечно же, Ницше, и т.д., чьи идеи представляют для него большой интерес и чьи взгляды на мир воспринимаются им как близкие его собственным, но не более того. Оставим в стороне вопрос, насколько сложно точно определить, какие влияния и в какой мере испытывает человек на протяжении жизни, если он не относится к особому роду людей, называемых фанатами. Применительно к творчеству Бодрийяра этот вопрос вообще теряет свою актуальность, ведь, во-первых, мыслитель сознательно делает своим принципом не смотреть на мир через призму чужих философских систем. По его убеждению, необходимо руководствоваться преимущественно личным опытом: «Какая-то референциальность, безусловно, имеет место всегда. Но она не должна выходить на первый план. Главное – это наше творчество..., и вполне допустимо... заново открывать самые простые вещи, которые, возможно, уже были кем-то открыты» [*Бодрийяр Ж. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 78*]. Во-вторых, он придерживается той точки зрения, что «утверждение, что у каждого должны быть свои идеи верно лишь в отношении их изложения, ибо идеи циркулируют, их содержание переходит из рук в руки» [Там же].

Что касается момента исследования, связанного с систематическим изложением философских взглядов мыслителя, здесь также возникает некоторое затруднение, ведь философ, по его собственному признанию, не стремится к построению стройной философской системы: «В какой-то момент я ощутил своё родство с Ролланом Бартом, который говорил, что прилагает

огромные усилия к тому, чтобы сказанное им воспринимали как таковое, а не в контексте некоего развития его концепции. Поскольку эта позиция мне очень близка, я решил добиваться того же самого. Как бы то ни было, для меня очевидно одно: моя интеллектуальная жизнь вовсе не представляет собой непрерывную кумулятивную историю» [Там же. С. 76]. Сказанное подтверждается тем фактом, что в различных произведениях одни и те же понятия раскрываются по-разному, предлагаются различающиеся теории генезиса одних и тех же явлений и т.п. Например, в произведениях «В тени молчаливого большинства или конец социального» и «К критике политической экономии знака» мыслителем высказываются противоположные взгляды на феномен масс. Творческое наследие Бодрийяра насчитывает как минимум три концепции «социального»... Тем не менее, есть такие понятия, которые, несмотря на то, что смысл, вкладываемый в них мыслителем, с течением времени меняется, проходят через всё творчество философа, и наличие связи между ними он неизменно констатирует. Таковы понятия «симуляция», «соблазн», «зло»...

Однако цель моей работы – раскрыть понятие «симуляция», и она не кажется мне противоречащей целям самого философа. Я не претендую на изложение философской системы Бодрийяра, но стремлюсь как можно более полно раскрыть содержание и смысл понятия «симуляция». Если и нельзя говорить о непосредственном влиянии концепций какого-либо из мыслителей на творчество Бодрийяра, то воздействие на него общей интеллектуальной обстановки, духа времени, мы можем констатировать однозначно. Однако «дух времени», «интеллектуальная обстановка» – понятия крайне размытые. Из чего складываются эти явления? В истории европейской мысли традиционно выделяют несколько этапов, в рамках каждого из которых существовала одна или несколько господствующих систем представлений о мире. Любая такая система предполагает набор идей, конституирующих картину мира, и в любой такой системе могут быть найдены внутренние противоречия, которые мыслители соответствующей эпохи так или иначе стремятся если не разрешить, то хотя бы осмыслить. Во всякой подобной системе содержится потенциал выхода за её собственные пределы, который реализуется преимущественно в виде критики и, в конечном счёте, изменения господствующей мыслительной парадигмы. Так, эпоха Просвещения, например, характеризуется критикой схоластики и, в частности, имевшего место в тот период наиболее распространённого варианта религиозной картины мира, насаждавшегося официальной церковью. Постмодернизм же, по словам самих теоретиков этого идейного течения, уходит своими корнями в эпоху ломки естественнонаучных представлений XIX – начала XX веков. Там, где есть одно понятие, обязательно будет несколько его определений, там, где есть какое-либо явление, будет несколько взглядов на него. Итак, реакция на исторические события – такие, как войны, реформы, революции и т.п., критика предшествующей картины мира, разрешение внутренних противоречий вновь созданной и рефлексия над

её понятиями, прогнозы на будущее – вот далеко не полный перечень того, что составляет дух времени (и места).

Что же в самых общих чертах представляют собой интеллектуальные настроения, господствующие в современной Европе? Это постмодернизм и его критика. Творчество Бодрийяра имеет ярко выраженный постмодернистский характер. Отсюда и специфический набор тем и вопросов, рассматриваемых философом, и соответствующие терминология и методология. Что такое постмодернизм? Что он отрицает и что утверждает? Что позиционирует как злободневное? В рамках этого идейного течения очень остро ставятся вопросы истины и смысла, отношения реальности и видимости, субъекта и объекта... Постмодерн является радикальной критикой всех предшествующих ценностей, даже больше, он – критика самой идеи ценности. Постмодерн – это констатация отсутствия реальности, сущности и истины и стремление к упразднению субъект-объектной раздвоенности. Мы живём в эпоху радикальной дегуманизации, в том числе и самого человека, который изгоняется из центра мироздания, так как нет больше ни человека, ни мира как системы. Отвечая в духе постмодернизма на главный кантовский вопрос «Что такое человек?», Ж.-Л. Нанси пишет, что «сегодня – то время, когда ответ должен прозвучать так: быть человеком это, по крайней мере, не располагать никакой сущностью... Любой ответ типа "человек – это то-то и то-то, и он должен быть таким-то и таким-то", – то есть ответ, претендующий на то, чтобы быть неким гуманизмом, устарел... Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ, нет ни в одном из способов размышления, до сих пор претендовавших на то, чтобы быть гуманизмом (теология, историзм, марксизм, экзистенциализм, персонализм и т.д.)» [Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М., 1994. С. 151].

В рамках постмодернистской мысли происходит переоценка роли языка. Язык начинает мыслиться, в духе Барта, как «обыкновенный фашист», который заставляет нас говорить что-то. Он ограничивает. Доведение дегуманизации до её логического конца может обернуться отказом от того языка, который заставляет говорить «Я» и высказывать истину о вещах. Бодрийяр разделяет эту идею. «Наше нежелание быть репрезентированными, – утверждает он, – становится всё более сильным, и оно, по-видимому, вышло на тот уровень, когда мы не хотим быть представленными даже в слове, когда нас охватывает искушение оказаться вне языка как системы означивания» [Бодрийяр Ж. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 121]. Однако Бодрийяр видит в языке и противоположный потенциал разрушения системы референции: «Язык принадлежит к числу тех вещей, которые наиболее успешно противостоят ориентированным определённым образом конструкциям, и нам необходимо вернуться к его анаграмматическому использованию. Если мы имеем дело с какой-либо идеей, её надо анаграмматизировать в языке и тем самым лишить статуса идеи» [Там же. С. 95]. В эпоху постмодерна понятие текста начинает мыслиться очень широко. Вся человеческая культура объявляется текстом, или, в соответствии с терминологией Кристевой, интертекстом, т.е. диалогом между

различными текстами. Любая идея, напрямую не связанная с практикой, в соответствии с постмодернистской парадигмой, является не более чем беспочвенной интеллектуальной конструкцией, выдумкой. Клоссовски высказывает по этому поводу следующие соображения: «Мир стал выдумкой, мир как таковой – лишь выдумка: выдумка означает нечто, о чём рассказывают и что существует лишь в повествовании... религия, искусство, наука, история – столько разных интерпретаций мира, или, точнее, столько вариантов выдумки» [Цит. по: *Грицанов А. А., Можейко М. А.* Энциклопедия постмодернизма. Клоссовски // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/Klossovsky.html>]. Любой рассказ, по идее мыслителя, таким образом, представляет собой мнимое снятие покровов с тайны, которой пропитано всё, точнее, наоборот, попытку эту тайну скрыть.

В этом же ключе мыслит Лиотар. В своём труде «Постмодернистский удел» он называет в качестве важной характеристики постмодернизма недоверие к метарассказам, таким, как религия, наука, история, психология, искусство... Гегелевскую диалектику духа, идею эмансипации личности, идею прогресса и прочие подобные конструкции он называет великими историями. Сегодня, констатирует мыслитель, время распада великих историй, которые уступают место более мелким «историям-рассказам».

Крестева предлагает считать текстом и человеческое сознание. Человеческое сознание – набор стереотипов, результат абсорбции различных культурных явлений, а ведь культура – это и есть текст. Человек – лишь медиум, посредством которого язык создаёт пространство своей игры. Подобный смысл Р. Барт вкладывает в свою концепцию смерти автора. Автор, текст, читатель – единое «бесконечное поле для игры письма» [Цит. по: *Ильин И. П.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм // <http://www.philosophy.ru/library/il/8.html>]. Батай высказывается о своей ненависти к идее индивидуальной мысли. Такая мысль, считает он, просто невозможна, каждый из нас «наудачу собирает колоски человеческой субстанции вокруг себя» [Цит. по: *Грицанов А. А., Можейко М. А.* Энциклопедия постмодернизма. Батай // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/Batai/batai.html>]. Однако, по Батаю, потенциал человека не ограничивается приобретёнными стереотипами мышления и поведения. Мыслитель признаётся в своём разочаровании в языке: «Язык не оправдал моих надежд, ибо дело обстояло так, что было необходимо выразить в терминах тоски то, что переживалось как безмерная радость и если я выражал радость, выражалось нечто другое, не то, что я переживал, ибо то, что переживалось в определённый момент, было непринуждённостью по отношению к тоске... Язык отступает, ибо язык образован из представлений, выступающих от имени идентичностей» [Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая // <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>].

В представлениях Клоссовски самосознание индивида формируется в процессе воздействия на волевые импульсы, изначально, с рождения, присущие ему, «языка власти», то есть стереотипов, создаваемых различными

социальными институтами. Такое воздействие на человека мыслитель считает неблагоприятным и предлагает проект реабилитации «единичного» перед «всеобщим» посредством «индивидуального усилия», реализуемого в форме литературного опыта трансгрессии. Результатом этого усилия должен стать внутренний прорыв, заключающийся в окончательном преодолении восприятия мира как противостояния субъекта и объекта. Человек должен перестать воспринимать себя в качестве устойчивой и неизменной во времени структуры, но в каждый момент своего существования быть «своим Другим».

Батай выступает с аналогичным призывом выхода за пределы бинарных оппозиций субъекта и объекта, трансцендентного и имманентного... вообще за пределы мысли и языка, за рамки всякого порядка. Подобное возможно, по мнению мыслителя, лишь в переживаниях так называемого «внутреннего опыта»: «Смерть Бога, отняв у нашего существования предел Беспредельного, сводит его к такому опыту, в котором уже ничто не может возвещать об экстериорности бытия, а посему к опыту внутреннему, суверенному. Но такой опыт, в котором разражается смерть Бога, своей тайной и своим светом открывает собственную конечность, беспредельное владычество предела, пустоту этого преодоления, в котором он изнемогает и изменяет себе. В этом смысле внутренний опыт есть целиком опыт невозможного» [Цит. по: *Грицанов А.А., Можейко М.А. «Энциклопедия постмодернизма»*. Батай // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/Batai/batai.html>]. Бог – трансцендентное, иное по отношению к человеку, которое, однако, создаёт его по своему образу или вдыхает в него «частицу» себя, Дух. Бог даёт человеку законы, в соответствии с которыми он должен слепить из себя подобие Творца. Для нас характерна какая-то патологическая несамодостаточность, толкающая нас определять себя через другое и искать способы легитимации своего существования. Так называемая «сущность» человека приходит к нему всегда «извне». Батай пишет о смерти именно Бога как факторе, обеспечивающем возможность «внутреннего опыта», только в силу определённой специфики своего исследования. Вообще же на месте Бога может быть любая внеположная человеку реальность, о чём говорит и Бодрийяр. Например, это может быть реальность природы с её **законами**. Содержание может варьироваться как угодно, неизменным остаётся лишь вопрос «Что такое человек и что такое мир?» и стремление объяснить первое через второе.

На протяжении веков человеку была свойственна метафизическая потребность, в силу которой ему никогда не было достаточно лишь действовать и желать, но всегда было необходимо иметь за собой готовые ответы на «кантовские» вопросы: «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?». Постмодернисты призывают наконец порвать с традицией такого добровольного самоограничения и перестать задавать вопросы, на которые невозможно дать окончательных ответов. В качестве причины этой невозможности они называют непреодолимый разрыв между языком и непосредственным человеческим опытом. Но то, что подобный разрыв действительно существует, ещё надо доказать. Где гарантия, что наше

восприятие, наше видение вещей полностью не определяется языком? Восприятие, опыт, вещи... это всего лишь слова... Предположим, нам удалось выйти за рамки субъект-объектного противопоставления, и после этого осталось нечто наподобие потока частиц, или, может быть, хаоса. Какое место в этом...будет отведено языку? Как изменится «наша жизнь» после такого скачка? Возможен ли так называемый «внутренний опыт» без первоначальной инкультурации и овладения языком? Возможно ли общество вне субъект-объектной парадигмы и других стереотипов? В книге «От фрагмента к фрагменту» Бодрийяр задаётся вопросом: «Признавался ли когда-либо социальный контракт обществом по-настоящему, выполнялся ли он когда-нибудь?» [Бодрийяр Ж. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 119]. Если идея социального контракта – всего лишь очередная фикция, то что не даёт обществу распасться? На эти вопросы постмодернизм ответов не даёт. Ответом Бодрийяра на собственный вопрос является неопределённое «это покрыто тайной» [Там же]. Батай, определяя «внутренний опыт» как опыт невозможного, говорит, что на пути к нему обнаруживается «беспредельное владычество Предела» и что в своём стремлении к осуществлению он «изнемогает и изменяет себе». Внутренний опыт – это отчаяние, не имеющее конкретной цели, но ведущее к непостижимому. Батаю противна сама идея цели, и он отказывается рассматривать непостижимое в качестве таковой. Существование абсолютно одинокого человека, имеющего мужество не отгораживаться от немислимого и собственной смерти плотной завесой слов, представляется мыслителю торжеством ужаса. Ни о какой гармонии здесь не может быть и речи. Процесс стремления к немислимому сопровождается ощущением ужаса; сопровождается ли достижение единства со своей смертью в экстазе блаженством, какое предполагает мистический экстаз? Тождественно ли блаженство мистического экстаза удовольствию, которое является больной темой для постмодернизма, – в связи с постмодернистской критикой общества потребления и принципа удовольствия – или же это нечто другое? Насколько длительным является экстатическое состояние, описываемое Батаем, и каков всё-таки его результат? Клоссовски пишет по этому поводу: «Смерть мысли всегда терпит провал. Это немощное движение ума. Также и экстаз немощен. В экстазе упорствует своего рода постоянное сознание экстаза, выводящее экстаз в область вещей, назначенных присвоению... в конце концов нельзя не сделать его объектом преподавания, где преподающему вновь надо будет исходя из понятий, идентичностей прокладывать путь к раскрытию понятий, к упразднению идентичностей, которое может быть передано только в симулякрах...Экстаз – это мгновенный взлёт и падение – наподобие разжатия пружины, не имеющей ни начала, ни конца» [Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая // <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>].

В рамках постмодернизма постулируется теоретическая возможность выхода за пределы мыслимого, но оборачивается ли это какими-либо практическими достижениями? Существует практика постмодернистского коллажа и «украденного объекта», метод деконструкции, принципы создания

философских и литературных текстов в значительной степени меняются, но всё это – скорее мероприятия по разрушению старого способа существования. Каким будет следующий шаг и будет ли он?.. Высказывается необходимость искоренения метафизической потребности, но ставится ли вопрос об её корнях? Хайдеггер, чьи представления лишь отчасти укладываются в рамки «постмодернистской чувствительности», так как он не принадлежал к этой эпохе, но был одним из её предтеч, называет существовавшую на протяжении веков метафизику (старую метафизику) нигилизмом, так как она создаёт идеальные конструкции, не имеющие под собой никакого основания, не задаваясь главным вопросом – вопросом о бытии. Идея безосновных конструкций вполне созвучна постмодернистскому мышлению, тогда как идею «бытийной озабоченности» многие постмодернисты отвергают, объявляя вопрос о бытии также одним из бесперспективных предприятий метафизики. Из взглядов Ницше и Хайдеггера рождается довольно распространённая среди современных европейских мыслителей идея воли к власти как принципа всех ценностей и основы трансценденции и унификации, следовательно, как основы всякой метафизики. Бодрийяр придерживается абсолютно аналогичных взглядов на проблему генезиса метафизики.

«Почему надо, чтобы было то, что я знаю», - вопрошает Батай [Батай Ж. Внутренний опыт // <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>]. И утверждает далее: «То, чему я учу, - это хмель, это не философия: я не философ, я святой, возможно, просто безумец» [Цит. по: Грицанов А.А., Можейко М.А. Энциклопедия постмодернизма. Батай // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/Batai/batai.html>]. Весь комплекс постмодернистских идей вкупе с подобными заявлениями побуждает исследователей творчества постмодернистов проводить параллели между так называемой «постмодернистской чувствительностью» и явлением мистицизма. Причём эти аналогии начали отмечаться далеко не вчера. К примеру, в «Эпистемах» за 2001 год можно найти статью под названием «Мистическая практика: опыт постмодернистского сознания» автора Шуталёвой А. Сами мыслители-постмодернисты высказывались в пользу наличия такого сходства. Работа Сартра, посвящённая Батаю, называется «Один новый мистик».

Однако, на мой взгляд, различий между этими двумя явлениями можно найти не меньше, чем сходств. В рамках мистицизма существует множество отличающихся друг от друга течений, хотя бы, как минимум, в силу того, что каждая из мировых религий имеет свой мистический аспект, среди которых можно найти как созвучные идеям постмодернизма, так и противоречащие им. Так, автор статьи «Философия отчаяния Батая» Ольга Зайцева пишет: «Батай понимает опыт мистически, с той существенной оговоркой, что его мистика не божественно-христианская, а субъективно-человеческая... Автор «Суммы теологии» отказывается признать незнаемым, а значит и целью внутреннего движения, Бога» [Зайцева О. Философия отчаяния Батая // <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/Batay.htm>]. Если некоторые из

мистических учений и соответствующих практик ставят своей целью слияние с Абсолютом или созерцание его, то постмодерному мышлению идея Абсолюта чужда.

Идеи внеценностного существования, отсутствия истины как единственной истины, преодоления субъект-объектной раздвоенности, отсутствия авторитетов, невозможности выражения запредельного средствами языка роднят мистицизм и постмодернизм. Любопытно и одновременно вполне символично, что существует статья, причём написанная довольно-таки давно, посвящённая сравнению постмодернизма и творчества Кастанеды. Это статья В. Курицына под названием «Искусство смерти», опубликованная в номере «Независимой газеты» от 09.07.92. В духе постмодернизма автор статьи высказывается об идеалах довольно резко: «Любой идеал нацелен на воплощение, чем уже ущемляет интересы ино-идеального. В реальности большинство идеалов склонны не только воплотиться сами, но и сокрушить других. Очень симпатично, что среди сорочьего гвалта нынешней русской периодики можно услышать голоса людей, утверждающих, что все идеалы нехороши». В отличие от повседневности, где поведение человека регламентируется различными системами стереотипов и ценностей, смерть антитоталитарна. Она пресекает дифференциацию и иерархичность. Таким образом, попытка постмодернизма «остановить суждение» является своеобразным опытом смерти, поэтому и статья названа автором «Искусство смерти». Из уст героев Кастанеды звучат такие высказывания, под которыми, на мой взгляд, мог бы подписаться практически любой мыслитель-постмодернист. «Настоящий воин не воспринимает ничего как что-либо другое» [Цит. по: *Курицын В. Искусство смерти. Независимая газета. 09.07.1992*] – идея преодоления субъект-объектного восприятия мира. «Среднему человеку есть дело до того, правильны или неправильны вещи, а воину до этого дела нет» – идея преодоления ценностного мироотношения. «Не думай, вспомнил ты это или выдумал» [Там же] – также идея преодоления оппозиции субъекта и объекта. «У меня нет никакой личной истории. Однажды я обнаружил, что не нуждаюсь в личной истории и так же, как пьянство, бросил её» [Там же] – идея возможности дискретного, фрагментированного восприятия.

Наличие представления об особенностях «постмодернистской чувствительности» значительно облегчает понимание бодрийеровской концепции симуляции. Слово «симулякр» происходит от латинского «*simulacrum*», что переводится как призрак, образ, подобие. В рамках эпохи постмодерна этот термин был введён в употребление Батаем в контексте его теории «внутреннего опыта». До этого же он использовался лишь Платоном для обозначения копии копии. Над понятием «симулякр» рефлексировал также Пьер Клоссовски, однако в том, каким содержанием следует его наделять, Клоссовски полностью солидарен с Батаем. Батай связывает с существованием симулякра как инструмента «раскрытия» понятий и упразднения идентичностей единственную возможность передачи «внутреннего опыта». В

работе «Симулякр в сообщении Ж. Батай» Клоссовски, излагает батаевское видение симулякра, присоединяясь к нему, следующим образом: «Симулякр есть то, что мы можем знать об опыте; понятие в этом отношении есть лишь жалкий отброс, вызывающий к другим отбросам... Симулякр есть совершенно другое интеллигибельно понятийного сообщения: это сообщничество, мотивы которого не только не поддаются определению, но и не пытаются самоопределиться... Выраженная в симулякре мысль неизменно предполагает особую восприимчивость собеседника» [Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батай // <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>]. Таким образом, единицей симулякра по Батаю является слово во всём богатстве его коннотативных возможностей, употребляемое в речи, призванной выразить индивидуальный опыт человека. Несмотря на то, что, в отличие от понятия, за которым закреплено чёткое общеобязательное определение, в слово симулякр каждый вкладывает сугубо индивидуальный смысл, каким-то непостижимым образом взаимопонимание между субъектами коммуникации оказывается возможным. Всё дело в том, - убеждены Батай и Клоссовски, - что на самом деле подобная коммуникация вовсе не предполагает взаимопонимания, но поддерживается его иллюзией. В самом деле, для нас априорной формой является уверенность в том, что мы поняли именно то, что хотел донести до нас собеседник, и что определённые слова у него связаны с теми же представлениями, что и у нас. Вслед за вопросом «Почему должно быть то, что я знаю?» [Батай Ж. Внутренний опыт // <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>], Батай мог бы задать вопрос: «Почему должно быть так, что я кого-то понимаю?». Чётко определённые понятия же, по мнению мыслителя, являются самой большой фикцией, так как посредством их создаётся систематизированная идеальная реальность, не имеющая уже ничего общего с непосредственным опытом. Давая определение понятиям, мы лишь произносим слова о словах. Понятие – это то, что лишает нас опыта немислимого.

Бодрийяр демонстрирует те же устремления, что и подавляющее большинство мыслителей постмодерна, в том числе и Батай. Он также постулирует необходимость в реабилитации непосредственного опыта при помощи языка и искусства: «Реальное обнаруживает себя как совокупность – его принципом является принцип целостности. И устранение, рассеивание реальности осуществляется... благодаря деструктуриации. Именно с её помощью мы попадаем туда, где вещи открываются нам напрямую...» [Бодрийяр Ж. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 138], и «задача искусства состоит исключительно в том, чтобы подвести язык к работе в режиме сингулярности... В какой-то мере речь здесь идёт о работе художественного, которую я в своё время назвал работой по поэтическому изменению ситуации» [Там же. С. 157]. Однако Бодрийяр понимает симуляцию гораздо шире, чем это делает Батай. Действительно, деструктуриация реального, по Бодрийяру, осуществляется посредством симулякра, но и противоположный процесс также подводится мыслителем под категорию симуляции. Сразу стоит

сделать оговорку, что между понятиями «симулякр» и «симуляция» существует лишь та разница, что симуляция – это процесс, а симулякр – результат этого процесса. При этом мы всегда видим лишь результат, а процесс неуловим. То, что Клоссовски называет выдумкой, а Лиотар метарассказом и историей-рассказом, в творчестве Бодрийяра носит названия симулякра. Итак, принцип реальности, принцип истины, принцип удовольствия, принцип свободы – симулякры. Религиозная, научная картина мира, различные трактовки событий, предлагаемые историей, – симулякры. Так называемые «политическое», «социальное» и «экономическое» – также не более чем продукты симуляции. Этот список может быть продолжен.

В концепции Бодрийяра понятие симуляции тесно связано с понятием соблазна. «Мы в любом случае живём посреди бессмыслицы, - утверждает мыслитель, - но симуляция – её разочарованная форма, а соблазн – очарованная» [*Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 310*]. То есть симуляция – это высказываемое, демонстрируемое, демистифицируемое, а соблазн – это вызов, чистое правило. Однако на самом деле содержание и взаимодействие этих понятий более сложное. В рамках даже одного единственного произведения «Соблазн» в отношении взаимосвязи данных двух явлений высказываются идеи, на первый взгляд, противоречащие друг другу. Синтез же этих идей даёт картину, в рамках которой понятия «соблазн» и «симуляции» являются взаимопроникающими. В произведении «Соблазн» Бодрийяр выделяет три фундаментальных логики существования человека и человеческих общностей. Первая логика – это логика правила. Она имеет место в основном в рамках первобытных обществ с их ритуальным строем жизни, любая игра, за исключением компьютерной, подчиняется ей. Логика правила – это логика соблазна. В соответствии с приведённой выше цитатой, оно должно бы подчиняться только ей, однако, описывая борхесовскую лотерею, которая являет собой ярчайший пример правила, Бодрийяр называет симулякром и её. Дело в том, что результатом развёртывания логики соблазна, по Бодрийяру, является также симулякр. Но как разделить симулякр и симуляцию, как отделить процесс от результата?.. Вторая логика – это логика закона. Она реализуется в виде моделей мира, создаваемых религией (понимаемой именно как восстановление связи с трансцендентным) и наукой. Эта логика зиждется на принципе реальности. Понятие истины может существовать только в рамках логики закона. Стадия закона – самый длительный этап развития европейской цивилизации. На первом её этапе жизнь людей полностью определяется христианской религией, законом Божьим. Далее производящей закон инстанцией становится так называемое «социальное». Правда, Бодрийяр не даёт чёткого ответа в отношении времени рождения «социального». В одной из его интерпретаций этого понятия религия также подпадает под категорию «социального». В других же «социальное» является инобытием религии, её метаморфозой. Главным принципом «социального» является принцип производства. Производство в широком значении – это не только производство вещей, но и производство смыслов. В способности «социального»

генерировать смыслы состоит его власть. Оно создаёт картины мира, предполагающие инстанцию, через которую человек определяет себя.

Таким образом, «социальное» определяет его существование. Существование человека в рамках какой-либо общности в любом случае предполагает регламент его поведения. Форма, которую человек приобретает, в любом случае приходит к нему извне, из культуры. Вся разница лишь в том способе, каким соответствующее воздействие происходит. Сердце любого ритуала и игры – в страсти подчиниться правилу, в стремлении принять форму. В этом смысле соблазн – действительно наша судьба. Человек изначально подчинён, потому что он существует и умирает. Но термину «подчинение», употребляемому в этом ключе, считает Бодрийяр, не стоит придавать негативного оттенка. Открытость Другому, стремление к бытию своим Другим, к постоянному изменению Бодрийяр считает нашей неотъемлемой характеристикой, которой не может противостоять даже производство. Принимающий правила игры никогда не спрашивает, почему он должен их принять.

С возникновением закона возникают и ценности. Появляется инстанция, всё связанное с которой называется «хорошим» (благом), появляется также инстанция, все атрибуты которой, в свою очередь, называются «плохим» (злом). Но что послужило толчком к возникновению самого закона? Кто и когда впервые задал вопрос «Почему?». Бодрийяр утверждает, что «социальное» обязано своим существованием стремлению к власти. Мыслитель придерживается той точки зрения, что фигура бога и закон постепенно вырастают из авторитета сильнейшего, то есть из неравенства способностей. Есть те, кто более эффективно решает проблемы, связанные с выживанием, чем остальные, и им, соответственно, принадлежит решающее слово при выборе жизненной стратегии общности. Если есть кто-то, кто прав всегда, и ты действуешь от его имени (ведь ты всего лишь человек, какими бы ни были твои заслуги), то обладаешь всей полнотой власти. Так из человеческих страхов и человеческого прагматизма рождается истина. Может сбить с толку, что после того, как Бодрийяр высказывает подобные идеи, он критикует современную идеологию стремления к удовольствию, «идеологию счастья». Мыслитель утверждает, что эта идеология как раз является тем, во что выродилась религия. Место идеи спасения в мире ином сегодня занимает идея максимальной самореализации в этом мире. С исчезновением зла на его место приходит несчастье. Действительно, каждый стремится к отсутствию страданий, однако Бодрийяра не устраивает, что человеку сегодня говорят, как именно ему достичь безбедного существования. Человеку не говорят: «Не делай того, чего ты не хочешь, и тогда ты будешь страдать меньше», – но говорят: «Делай так-то, и ты будешь счастлив».

Идею счастья мыслитель называет симулякром и самым простым решением. Счастье – это слово, а смысл в него может быть вложен какой угодно. Часто человек испытывает удовольствие лишь постольку, поскольку он достиг того, что принято считать приносящим таковое. Более того, эта идея

оборачивается своей противоположностью, когда он не достигает желаемого. Всё это заставляет мыслителя высказывать скептическое отношение к ней.

В главе «Дуальное, полярное, дигитальное» работы «Соблазн», противопоставляя соблазн производству, Бодрийяр утверждает, что «...нет ничего менее соблазнительного, чем идея социального, это нулевая степень соблазна» [Там же. С. 268]. Но ранее, в главе «Seducere / Producere», он пишет: «Дискурс антиобольщения есть просто последняя метаморфоза дискурса обольщения» И далее, в главе «Священный горизонт видимостей» говорит: «Всякий смысловой дискурс желает положить конец видимостям: вот его приманка и его обман. Но также абсолютно невозможное предприятие: дискурс неумолимо... вовлекается в игру обольщения, и значит, подчиняется неизбежности своего провала как дискурса... И если даже он сам этого не делает, то за него это сделают другие» [Там же. С. 106]. Под другими Бодрийяр понимает, в первую очередь, массы, за которые, по его мнению, волноваться не стоит, так как они с успехом противостоят как идеологии потребления с принципом удовольствия во главе, так и любым другим предприятиям «социального». «Массы, на мой взгляд, уже не принадлежат социальному! Мы по-прежнему рассматриваем их в терминах социологии, как если бы они представляли собой открытую социализации, рационализируемую прогрессом субстанцию. Но это ошибка: по мере эволюции социального они всё больше превращаются в некую избегающую его чёрную материю» [Бодрийяр Ж. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 120], - утверждает мыслитель. Массы являются орудием соблазна, так как они совращают дискурс «социального», лишая его смысла. Бодрийяр различает власть и могущество. Основой власти, по его мнению, является владение симулированным пространством. Власть хочет быть необратимой, но это ей не удаётся, так как есть нечто, куда более могущественное, чем она сама. Это сила соблазна. Собственно говоря, власти как одностороннего силового отношения вообще нет, но есть власть как вызов – доказать, что она имеет право на существование: «Соблазн точно не относится к строю реального. Он никогда не принадлежал к строю силы или силовых отношений. Но как раз поэтому он обволакивает весь реальный процесс власти, как и весь реальный строй производства, этой непрестанной обратимостью и дезаккумуляцией – без которых не было бы ни власти, ни производства» [Там же. С. 97].

Стало быть, в творчестве выдумок и метарассказов участвуют в равной степени и симуляция, и соблазн. Исходя из вышеприведённого высказывания мыслителя, и соблазн, и симуляция, – это процессы, однако второй является более фундаментальным. Но здесь опять возникает некоторая нестыковка. Как уже говорилось, симулякры существуют и вне логики реальности и власти, они также возникают в процессе соблазна (Бодрийяр, действительно, называет соблазн процессом: «Соблазн – это круговой, обратимый процесс» [Там же. С. 99]). Но если симуляция – это процесс, а симулякр – результат, как можно отделить одно от другого? На мой взгляд, то, что понимает под соблазном Бодрийяр, больше похоже на принцип, а симуляция является реализацией этого

принципа. В результате возникают симулякры. Собственно, симулякр – это всё, что угодно вне сферы практики. Находясь в этой сфере, ещё можно говорить о принципе объективности как о принципе практической реализуемости. Вряд ли кто-то станет спорить, что падение тяжёлого предмета с большой высоты на твёрдую поверхность сопровождается звуком, или что результатом сильного пореза является кровотечение.

В качестве третьей фундаментальной логики Бодрийяр выделяет логику нормы. Эта логика характерна для всех современных обществ, находящихся на постиндустриальной стадии развития. Для таких обществ закон уже в прошлом. Их главный принцип функционирования, комбинаторика, относится к логике холодного, в отличие от горячего соблазна вызова, соблазна или замороженности. Информатика, в особенности хорошо это видно на примере компьютерных игр, дизайн, генетика предлагают нам набор опций и варианты, алгоритмы их комбинирования. Это завораживает. «Минимум реальности и максимум симуляции – вот чем отныне мы будем довольствоваться в своей жизни... Больше никакой трансгрессии, никакой трансцендентности – но в результате мы не возвращаемся к трагической имманентности правила и игры, мы погружаемся в холодную имманентность нормы и моделей» [Там же. С. 269], – пишет в главе «Дуальное, полярное, дигитальное» («Соблазн») Бодрийяр, ещё несколько глав назад утверждавший, что реальность – это симулякр. В некоторых своих работах Бодрийяр использует термин «гиперсимуляция», который употребляет в платоновском смысле. Гиперсимулякр – это симулякр симулякра, пародия на реальность. Именно в этом смысле употребляется термин «симуляция» в вышеприведённой цитате. Мы, по Бодрийяру, живём в эпоху гиперсимуляции. В качестве примеров гиперсимулякра могут быть приведены так называемая обманка и порнография: «Симуляция разочарованная: порнография – правдивей правды – вот апогей симулякра. Симуляция очарованная: обманка – лживей ложного – вот тайна видимости» [Там же. С. 116]. Порнография – это максимум раскрытости и отсутствия тайны. Обманка же, представляющая собой «артефакты, изолированные объекты вне своего референциального контекста, возведённые вертикальным фоном в чистые знаки» [Там же], – это ирония избытка реальности. Величайшим гиперсимулякром современности, делает вывод Бодрийяр, является Америка.

Америка, по его словам – это не сон и не реальность, а гиперреальность. Американская гиперреальность возникла в результате специфического преломления, совращения, если хотите, ценностей, созданных европейской цивилизацией. Европа – это Другой Америки, она дала ей жизнь, а Америка – это другой Европы, она взрастила на своей почве европейские ценности, и сделала Европу Другой – для-себя. Всё произошло так, как если бы человек обрёл сверхспособности в результате пересадки сердца. Америка – это воплощённая утопия.